

Белла Ахмадулина

Как много тайн я от цветка узнала...

Тому назад два года, но в июне:
«Как я люблю гряды моих камней», —
бубнивший ныне чужд, как новолунье,
себе, гряде, своей строке о ней.
Чем ярче пахнет яблоко на блюде,
тем быстрый сон о Бунине темней.
Приснившемся сразу он несносен,
проснувшийся свой простоватый сон
так опроверг: вид из окна на осень,
что до утра от зренья упасён,
на яблоч всех невидимую осыпь —
как яблоко слепцу преподнесён.
Для краткости изваяна округа
так выпукло, как школьный шар земной.
Сиди себе! Как помысла прогулка
с тобой поступит — ей решать самой.
Уж знать не хочет — началась откуда?
Да — тот, кто снился, здесь бывал зимой.
Люблю его с художником свиданье.
Смеюсь и вижу и того, и с кем
не съединило пресных пользъ съеданье,
побег во снег из хладных стен и схем,
смех вызволения, к станции — сюда ли?
а где буфет? Как блещет белый свет!
Иль пайщик сна — табак, сохранный в грядке?
Ночует ум во дне сто лет назад,
уж он влюблён, но встретится навряд ли

с ним гимназистки безмятежный взгляд.
Вперяется дозор его оглядки
в уездный город, в предвечерний сад.
Нюх и цветок сошлись не для того ли,
чтоб вдоха кругосветного в конце
очнулся дух Кураевых торговли
на площади Архангельской в Ельце
и так пахнуло рыбой, что в тревоге
я вышла в дождь и холод на крыльце.
Ещё есть жизнь — избанников усады,
изделе их, не меньшее, чем явь.
Не дом в саду, а вымысел-усадыба
завещана, чтоб на крыльце стоять.
Как много тайн я от цветка узнала,
а он всего лишь слово с буквой «ять».
Прочнее блеск воспетого мгновенья,
чем то одно, чего нельзя воспеть.
Я там была, где зыбко и неверно
палешник робкий усложняет смерть:
о, есть! — но, как Святая Женевьева,
ведь не вполне же, не воочью есть?
Восьмого часа исподволь. Забыла
заря возжечься слева от лица.
С гряды камней в презрение залива
обрушился громоздкий всплеск пловца.
Пространство отчуждённо и брезгливо
взирает, словно Бунин на льстеца.